Орарев Н

Ход судеб

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц51
0336

АРХИВЪ
Ц61
0336
Огарев, Н.П.
Библиотека ИМЭЛ
У10317

ХОДЪ СУДЕБЪ.

Народъ стоялъ въ недоумѣніи: въ "Положеніи" сказано, что земля есть собственность помѣщика, а усадьба и надѣлъ даны крестьянамъ въ безсрочное пользованіе. Что-же это такое? Если человѣкъ пользуется чѣмъ нибудь, то-есть владѣетъ вещью безсрочно, навсегда и никто у него не можетъ ее отнять—вѣдь это-то и значитъ собственность. Померъ человѣкъ—вещь переходитъ въ семью, а нѣтъ семьи—переходитъ въ міръ. А земля, какъ достояніе мірское, всегда переходитъ въ міръ. Отъ этого, пока человѣкъ живъ и несетъ тягло, то-есть владѣетъ землей, онъ несетъ и мірскую тягу, то-есть платитъ подать. Теперь, земля усадебная и полевая, которою міръ и прежъ сего завсегда владѣлъ, какъ своимъ мірскимъ дѣдовскимъ наслѣдіемъ, отдана міру въ безсрочное пользованіе, чтобъ онъ и владѣлъ ею насвегда, стало

2011
У
2 экз.

она его собственность. А такъ какъ эта земля русская, то міръ и долженъ за нее нести тягу на общую нужду всего русскаго народа, стало и долженъ платить подать въ казну, наравнѣ со всѣмъ крестьянствомъ и людомъ русскимъ. Съ чего-же выдумали, будто за землю, которая міру дана во владѣніе навсегда, надо еще отбывать барщину, да платить оброки, да еще и землю урѣжутъ въ пользу помѣщика, да еще и оброкъ повысятъ; а тамъ твою-же усадьбу, которая была у тебя въ пользованіи завсегда, покупай въ три дорого особо, и надѣлъ, который вѣчно былъ мірской, міромъ покупай особо. Были-же они у крестьянъ во владѣніи завсегда и оставлены имъ въ угодье безсрочно: стало это тоже что собственность, а не наемъ какой, гдѣ ты нанялъ на срокъ, а послѣ срока и отдай хозяину, или хочешь купить, такъ торгуйся съ хозяиномъ и покупай какъ знаешь. Нѣтъ! Это не настоящая воля. Настоящая воля: владѣй всей землей какою владѣлъ, управляйся міромъ да мірскими выборными, а подать міромъ и взыскивай съ кого слѣдуетъ по тяглу и плати въ казну на общіе расходы цѣлой Россіи. Царь хотѣлъ дать настоящую волю, а это дворяне выдумали, что земля ихъ собственность и подавай имъ барщину да оброки, да еще большой выкупъ за усадьбу особо, да за надѣлъ особо, да еще земли у міра урѣжутъ. Чтожъ? думаетъ народъ, тутъ что-

нибудь да не ладно. Потерпимъ, подождемъ, царь увидитъ правду, возметъ дворянъ себѣ на жалованье, а народу сельскому дастъ другую волю, настоящую.

Первымъ отвѣтомъ на эту вѣру народную въ царя было то, что въ Казани царскій генералъ, съ солдатами, мужика Антона Петрова застрѣлилъ, да съ нимъ больше сотни человѣкъ перестрѣлялъ; въ Пензѣ ни вѣсть сколько народу войскомъ перегубили и вездѣ, по всей Россіи—гдѣ перестрѣляли безоружныхъ крестьянъ, а гдѣ перепороли. Палачество да и только!

Задумался народъ, а все вѣры въ правду царскую не теряетъ. Потерпимъ, говоритъ, подождемъ; все-же въ сдѣлки ни въ какія съ дворянами не пойдемъ; а будемъ отстаивать себя чѣмъ богъ послалъ, гдѣ волостнымъ сходомъ, гдѣ мировымъ посредствомъ; придетъ время—царь дастъ другую волю, настоящую.

Стали дворяне роптать, что все что̀ хорошаго помѣщикъ придумаетъ—народъ говоритъ, что это правительство захотѣло; а что̀ дурнаго произойдетъ отъ властей—народъ говоритъ, что помѣщикъ виноватъ.

Разсердился государь. Лѣтомъ самъ поѣхалъ, собиралъ въ разныхъ мѣстахъ старшинъ мірскихъ и говорилъ, что никакой другой воли народу не дастъ кромѣ того полу-рабства, что̀ въ "Положеніи" придумано. Мало того, зимою

приказалъ министру написать всѣмъ губернаторамъ, чтобъ велѣли сказать народу и пропечатали-бы, что никакой другой, настоящей воли народу не будетъ. Вотъ что писалъ министръ:

"ЦИРКУЛЯРЪ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГГ. НАЧАЛЬНИКАМЪ ГУБЕРНІЙ, ОТЪ 2-ГО ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА NO. 70.

Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о Положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его, и въ особенности составленію уставныхъ грамотъ, во многихъ мѣстахъ, препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды.—Они ожидаютъ такъ-называемой ими, новой воли, съ объявленіемъ которой, по истеченіи двухъ лѣтъ, они получатъ будто-бы какія-то повыя льготы, въ "Положеніяхъ" 19-го Февраля неуказанныя и отъ пользованія коими будто-бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій, государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его императорскому величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла, и напоминать о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ. Государь императоръ, въ такихъ случаяхъ, соизволилъ говорить крестьянамъ, что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и Положенія 19-го Февраля.

По высочайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить всѣмъ мировымъ посредникамъ, чтобы они объявили о таковыхъ высочайшихъ отзывахъ волостнымъ правленіямъ, и, при всякомъ случаѣ, въ своихъ объясненіяхъ съ крестьянами, положительно указывали на слова, которыя крестьяне нѣкоторыхъ губерній имѣли счастіе непосредственно слышать отъ государя императора.

Настоящій циркуляръ вы, кромѣ-того, не оставите напечатать въ "Губернскихъ Вѣдомостяхъ".

Пуще прежняго народъ призадумался. Стало и въ правду царскую вѣрить не приходится. Не даромъ въ писаніи сказано: не надѣйтеся на князеви. Видно царь не народный царь, а дворянскій царь. Какъ-же тутъ быть? Не скоро ума приложишь.

А между тѣмъ и дворянамъ туго пришлось. Хотя и сказалъ царь въ своей рѣчи ко дворянству, что онъ "самъ первый дворянинъ въ государствѣ", стало заявилъ себя какъ есть, что онъ хочетъ быть главою дворянскою, а не народною; а все-же онъ первый сталъ отмѣнять крѣпостную кабалу. Правда отмѣнилъ онъ ее такъ, что никто не знаетъ ни что теперь дѣлать, ни что впередъ будетъ; а выходитъ все-же, что крѣпостному рабству отнынѣ на Руси не бывать и сызнова во вѣки вѣковъ не возвращаться. Задумалось и дворянство, стало смекать: что оно теперь такое значитъ? Что это такое за сословіе дворянское? Стало смекать и пошло въ разноголосицу.

Старые бары осердчали. "Мы, говорятъ, вѣкъ свой и предки наши царямъ службу служили, и кровь свою за нихъ и за отечество—вотъ хотя въ 12омъ году—проливали; нельзя нашихъ правъ отнять, нельзя нашей земли отдать мужикамъ необразованнымъ". Эдакихъ старыхъ господъ, народу лиходѣевъ, число не малое. "Что-же, говорятъ они, мы теперь станемъ безъ крѣпостныхъ? Если уже у насъ людей и землю отнимаютъ, то давай намъ право однимъ заправлять всѣмъ государствомъ".

Другіе молодые—правда не много ихъ, но со дня на день понаберется и побольше—тоже осердчали, только не за дворянъ, а за народъ и говорятъ старымъ барамъ: "куда вамъ заправлять государствомъ? Вы только думаете, что вы образованные, потому что въ военныхъ да въ штатскихъ мундирахъ ходите, а на дѣлѣ-то у мужика, котораго вы необразованнымъ называете, смыслу по больше чѣмъ у васъ. Чѣмъ вы кичитесь, что цари вамъ и предкамъ вашимъ народную землю пораздавали и самый народъ вамъ въ крѣпость отдали, за то, чтобъ вы народныя трудовыя деньги долею себѣ брали, а больше бы въ царскую казну доставляли? Чѣмъ вы кичитесь, что вы въ 12омъ году жертвовали? Правда жертвовали вы и своей кровью, а еще больше кровью своихъ крѣпостныхъ людей, да деньгами съ крестьянъ собранными. Какая честь въ томъ, что вы до

сихъ поръ только и дѣлали, что по милости царской народъ обирали? Какая честь въ томъ, что васъ назвали дворянами, то есть царскими дворовыми людьми, иначе опричниками, а по просту сказать чиновниками? Что за честь, что когда цари стали называться по нѣмецки императорами, то и васъ одѣли въ нѣмецкое платье, для различія—что въ нѣмецкомъ платьѣ человѣкъ баринъ, его жалуютъ и жалованьемъ и помѣстьями; а въ чепанѣ человѣкъ рабъ, его сѣкутъ, обираютъ и отдаютъ въ крѣпость? Чѣмъ-бы васъ ни жаловали, жалованьемъ или помѣстьями, все равно, вы чиновники. Вы и до сихъ поръ одни всѣмъ заправляли и грабили и довели русскую землю до раззоренія. Пора перестать управляться чиновниками, а начать управляться всему люду русскому своими выборными людьми, какъ встарь было до татаръ и до царей. Пора жить по человѣчески: землю народную обратно народу и отдайте и сами за одно съ народомъ трудитесь, и что вашъ голосъ на волостныхъ сходахъ, что крестьянскій голосъ все одну-бы силу имѣлъ, ни больше ни меньше, и чтобъ названье дворянина исчезло-бы на вѣки и былъ-бы только одинъ народъ русскій, одно земство, и управлялся-бы собща по селамъ и городамъ своимъ міромъ, и съѣзжался-бы по волостямъ, гдѣ найдетъ нужнымъ, обсуждать чего ему надо, что̀ перемѣнить, что̀ оставить по старому. Чтобъ каждый человѣкъ свободно

молился-бы по своей вѣрѣ; свободно учился-бы всякому ремеслу и всякой грамотѣ въ какой школѣ хочетъ, судился-бы одинакимъ судомъ, не крестьянскимъ или дворянскимъ, а единымъ для всѣхъ равнымъ; торговалъ-бы чѣмъ кто хочетъ безъ запрёта и подати всѣ-бы платили наравнѣ. Да чтобъ подать эту назначалъ не царскій дворянинъ и чиновникъ, не министръ какой, а была-бы она опредѣлена на сходкахъ народныхъ, по нуждѣ общей и по могутѣ мірской".

Такихъ изъ дворянъ не много, которые такъ думаютъ. А все-же есть, и все-же ихъ прибываетъ и народъ мало по малу спознаетъ, что это его люди, сердцемъ искренніе и мыслью праведные. А по большей части во дворянствѣ люди междоумки. Они и къ старымъ барамъ не тянутъ, потому что видятъ ихъ дѣло и несправедливо и не разумно; начался народъ освобождаться—останавливать его, задерживать въ крѣпости, не отдать ему его земли и не дать ему управляться по своему—какъ-бы самимъ головъ не сложить. А отъ людей праведныхъ они тоже поотстали, ужъ больно своего богатства да приволья жалко. Такихъ междоумковъ во дворянствѣ всего больше. Только не знаютъ они какъ имъ быть и куда пристать. Приволье-то дворянское съ каждымъ днемъ все меньше и меньше становится. Прежде можно было кой-какъ землю обработывать барщиной или оброкомъ жить; теперь народъ на барщину идетъ плохо, на оброкъ нейдетъ вовсе; уставныхъ грамотъ, т. е. кабальныхъ записей, не подписываетъ. Прежде можно было помѣщику помѣстье заложить и перезаложить въ казенные опекунскіе совѣты и приказы; а теперь казна перестала ссужать. Царскіе министры придумали: деньги, что въ совѣтахъ и въ приказахъ лежали, взять въ займы въ казну и выдать вкладчикамъ, тѣхъ денегъ хозяевамъ, казенныя заемныя росписки, облигаціи; а для ссуды помѣщикамъ пусть богатые люди сберутся промежъ себя въ компаніи и выдаютъ свои деньги подъ залогъ какъ знаютъ. А про ссуды крестьянамъ царь съ министрами не подумали. Только оказалось, что и людей-то съ большими деньгами нѣту; а у которыхъ, у немногихъ онѣ и водятся, то тѣ, подъ помѣщичьи залоги, не разкошелятся: дѣло невѣрное, доходовъ у помѣщиковъ нѣтъ, работы остановились; свои мужики на работу нейдутъ, потому что все-же вольные, а чужихъ нанять нельзя, потому что все-же всѣ крѣпостные, никто свободно на заработокъ идти не можетъ. Видятъ междоумки-дворяне ихъ дѣло плохо; что они не бары—это они поняли. Поняли, что они всѣ были чиновниками, только не на жалованьи, а на помѣстьяхъ, вмѣсто жалованья получили помѣстья за то, чтобъ управлять народомъ. Теперь у нихъ помѣстья отходятъ, стало все равно они что чиновники

въ отставкѣ, безъ мѣста. Что-же они такое? Все тоже что̀ всякій человѣкъ, который не чиновникъ—они то-же что народъ. По неволѣ придется и междоумкамъ пристать къ людямъ искреннимъ и просто стать наравнѣ и за одно съ народомъ. Только какъ-же это сдѣлать?

А царь испугался, что дворянство думаетъ, что переставши быть барами, оно перестанетъ быть особымъ сословіемъ дворянскимъ. Велѣлъ министру ихъ утѣшать. Министръ въ своей газетѣ, въ "Сѣверной почтѣ"—и велѣлъ напечатать слѣдующее:

"По случаю происходящихъ въ разныхъ губерніяхъ дворянскихъ губернскихъ выборовъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатаны статьи, въ которыхъ обсуживаются вопросы о значеніи дворянства послѣ изданія положенія 19-го Февраля, и о тѣхъ предположеніяхъ, которые по сему поводу могли-бы быть представлены губернскими дворянскими собраніями на усмотрѣніе правительства. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ развивается мысль, что съ отмѣною крѣпостнаго права, русское дворянство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій, и само должно заявить объ этой утратѣ. Подобныя статьи не выражаютъ мысли правительства, не согласны съ точнымъ смысломъ новыхъ узаконеній, и не соотвѣтствуютъ правильному развитію проистекающихъ отъ нихъ послѣдствій. Высочайше утвержденными положеніями 19-го Февраля только отмѣнено, согласно съ желаніемъ самого дворянства и при его содѣйствіи, крѣпостное право на дворовыхъ людей и на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Русское дворянство, сохраняя преемственную память о своихъ подвигахъ на полѣ войны и на поприщѣ

гражданскихъ заслугъ, не могло и не можетъ признавать крѣпостнаго права коренным условіемъ своего существованія. Оно приняло, согласно съ указаніями высочайшей воли государя императора, ревностное участіе въ дѣлѣ отмѣны этого права, и нынѣ конечно не забудетъ, что оно призвано не къ самоуничтоженію, но къ дальнѣйшему непосредственному участію при введеніи въ дѣйствіе тѣхъ законоположеній, которыми означенное право навсегда отмѣнено".

Стало царь хочетъ, чтобъ дворянство осталось особо отъ народа, потому что дворянскіе предки отличались заслугами на царской службѣ. А какія-же это были заслуги? Кромѣ рѣдкихъ людей, которые отличались на защитѣ отечества, гдѣ они? Да и тѣ не всѣ изъ дворянъ: если былъ въ старые времена Пожарскій изъ князей, то рядомъ съ нимъ стоитъ и Мининъ изъ мѣщанъ. Если были въ новыя времена изъ государственныхъ людей умные люди—то кого ни возьми—Меньшиковъ, при Петрѣ первомъ, изъ блинниковъ, Сперанскій при Александрѣ Павловичѣ—изъ поповичей. А большая то часть попала во дворянство разжившись на службѣ, то есть грабежемъ. Инымъ роздали помѣстья за убійство Петра III. По этимъ-ли по заслугамъ надо дворянству оставаться особымъ сословіемъ? И чего-же царь испугался, что дворянство перестанетъ быть особымъ сословіемъ? Понятно чего—перестанетъ человѣкъ быть дворяниномъ, перестанетъ быть и чиновникомъ. Кѣмъ-же народомъ-то запра-

вять? Придется народу дозволить управляться самому собою—а этого-то властямъ и не хочется.

Да можетъ и поздновато принялись петербургскія власти утѣшать русское дворянство. Не туда его тянетъ. Перестаетъ быть лестнымъ дѣло чиновничье, подвластное и нечестное; перестаетъ быть лестнымъ прозвище дворянское, прозвище царскаго дворовaго человѣка. Всѣмъ хочется стать на свои ноги, жить хозяиномъ, управляться съ общаго промежъ себя согласія, а не по приказу начальства. Только по разноголосицѣ, однимъ хочется стать вровень съ народомъ и управляться всѣмъ вмѣстѣ, безсословно; а другимъ хочется стать выше народа и управляться особо. И тѣмъ и другимъ въ нищету впасть страшно и просятъ они только какого-нибудь вознагражденія, а земли, которыми народъ владѣетъ, согласны ему отдать и всякія барщины и оброки прекратить, чтобъ былъ народъ воленъ и землей владѣлъ. Всѣ говорятъ, что это время, гдѣ ни то ни сё, и ихъ и самихъ крестьянъ въ раззоръ раззоряетъ.

Во многихъ губерніяхъ просить дворянство —развязать дѣло на прямки; иные просятъ, чтобъ имъ изъ дворянъ въ крестьяне приписаться; другіе просятъ, чтобъ у всѣхъ права были одинаковы, что̀ у дворянъ, что̀ у крестьянъ; третьи просятъ себѣ особыхъ правъ.

Смоленской губерніи дворянство просило, въ прошломъ Августѣ, дѣло на прямки развязать, земли крестьянамъ отдать, выкупъ отъ казны положить. А въ Декабрѣ, на своихъ выборахъ дворянскихъ, рѣшило царя просить объ уравненіи дворянскихъ и крестьянскихъ правъ.

Въ Тверской губерніи дворянство также просило дѣло на прямки развязать. Да просило еще, чтобъ народъ могъ самъ выбирать мировыхъ посредниковъ; такъ большинствомъ голосовъ и положило. Дворянинъ Унковскій, по выбору крестьянъ, пошелъ въ сельскіе старшины. Еще одинъ дворянинъ просилъ о зачисленіи его въ временно-обязанные крестьяне, къ другому дворянину.

Симбирской губерніи дворянинъ Мясоѣдовъ, женившись на дочери государственнаго крестьянина села Покровскаго, Мензелинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, просилъ въ оном селѣ приписаться въ государственные крестьяне. Присутственное мѣсто ему отказало: дворянина молъ сѣчь нельзя, а мужика сѣчь надо—стало какъ-же будетъ мужикъ, а сѣчь его нельзя? Это чиновникамъ не по нутру.

Московское дворянство, на выборахъ, въ нынѣшнемъ Январѣ мѣсяцѣ, рѣшило просить царя: 1) Чтобы управленіе по губерніи было больше выборное, а не казенное и чтобъ каждый чиновникъ за свои дѣйствія отвѣчалъ передъ судомъ и закономъ, а не передъ начальствомъ; 2) Чтобъ права личныя и по имуществу для всѣхъ *гражданъ* (то есть всѣхъ людей) въ госу-

дарствѣ, были ограждены тѣмъ, что судъ творился-бы не втихомолку, не на бумагѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, а происходилъ-бы судъ словесно, чтобъ всякій могъ въ судъ придти и слушать, какъ судьи судятъ право или неправо, чтобъ при всякомъ судѣ судья полагался не на то, что̀ подъячій на бумагѣ настрочилъ, а на то, что̀ скажутъ свидѣтели, присягнувшіе, что станутъ говорить правду, потому что судьѣ мудрено покривить душой, когда народъ слышитъ какъ онъ судитъ; 3) чтобъ развязать наконецъ крестьянъ съ помѣщиками и, чтобъ казна на себя взяла всякіе оброки и выкупы, выдѣливъ немедленно крестьянамъ землю по уставнымъ грамотамъ; 4) чтобъ правительство печатало, сколько у него долгу, сколько какихъ доходовъ и сколько расходовъ, чтобы каждый человѣкъ про то зналъ и совѣтъ подалъ, потому что казна не сегодня-завтра въ прахъ раззорится; 5) чтобъ обо всѣхъ перемѣнахъ въ государствѣ позволено было каждому свое мнѣніе печатать въ книгахъ и газетахъ и такимъ образомъ въ общемъ дѣлѣ свой голосъ подать и свой совѣтъ заявить. А за тѣмъ московское дворянство и говоритъ государю: Вы, ваше величество, сказали что своему вѣрному дворянству вѣрите, то прикажите дворянству, изъ среды себя, выбрать людей, чтобъ они совѣщались и разсудили—какимъ способомъ впредь должностныхъ въ управленіе выбирать, какъ

землю для раскладки податей цѣнить, какія заемные поземельные банки завести и какъ сельскіе суды устроить.

Видно, что вездѣ дворянство сильно двигается. Только какже это разсудить? Вѣдь вотъ московское дворянство все о чемъ просить, все дѣло требуетъ; а устроить его, говоритъ, намъ дворянамъ однимъ своими выборными. Это стало—и уставныя-то грамоты и оцѣнку земель на выкупъ крестьянамъ, все они одни устроятъ; а выгодно ли, невыгодно-ли—народъ только поклонись да скажи спасибо. Хорошо—царь вѣритъ дворянству, да народу-то довѣрять дворянству не съ чего.

Вотъ Смоленское дворянство хочетъ вровень стать съ крестьянами, только какъ?—неизвѣстно, въ газетахъ печатать не смѣютъ. Вотъ Тверское дворянство хочетъ, чтобъ народъ вмѣстѣ съ нимъ посредниковъ выбиралъ, будто хочетъ примириться съ народомъ. Иной просится въ крестьяне; хорошо, который изъ бѣдныхъ, самъ пахать привыкъ, онъ и взаправду въ крестьянство просится, своимъ дворянствомъ только тяготится. А которые не изъ бѣдныхъ, они съ чего? Развѣ царю на зло, что вотъ у дворянъ

крѣпостныхъ людей отнимаютъ, то мы лучше сами въ крестьяне пойдемъ? Гдѣ народу повѣрить, что они въ самомъ дѣлѣ съ нимъ за одно по братски жить хотятъ? Мудрено повѣрить! Вѣка рубцами на народной спинѣ выпечатались, откуда-же вѣру взять? Какъ узнать кто изъ дворянъ до народа искренній человѣкъ, кто неискренній?

Положимъ, что искреннаго человѣка чутьемъ узнаешь, да не въ искренности ихъ дѣло. Лишь-бы они свои чины поскидали, да перестали-бы управлять, а управлялись-бы собща съ народомъ: выберутъ крестьянина въ старшины по волости—крестьянина-бы слушались, выберутъ крестьянина въ судьи—къ нему-бы и шли на судъ, чтобъ различія въ правахъ и выборахъ никакого не было. А тамъ, согласятся они на это по любви къ народу, или царю на зло—это дѣло ихъ совѣсти, а на дѣлѣ міру все равно.

Вотъ самый тяжелый вопросъ въ землѣ. Трудно имъ землей поступиться; жить привыкли по бѣлому. Тутъ, по самой по правдѣ, слѣдовало бы всѣ земли къ селамъ прирѣзать и выдать дворянамъ тягловой пай; но до сущей правды

Библиотека ИМЭЛ 910317

дойти мудрено; если—грѣхъ по поламъ—на мировую пойти, то пусть оставятъ крестьянамъ всю землю, какой они теперь владѣютъ, а если, гдѣ помѣщикъ по корысти мало давалъ, то по общему сосѣдскому присуду изъ помѣщичей земли къ крестьянской прирѣзать; а за то, что земля за ними считаться не будетъ, пусть казна изъ податей выдастъ имъ по скольку они съ казной условятся, сколько кому промежъ себя разберутся, и сколько лѣтъ изъ податей имъ выплачивать съ казной порѣшатъ. Это будетъ имъ въ пособіе, или въ вознагражденіе, въ мировую съ народомъ. А тамъ, когда подать съ подушной будетъ переведена на поземельную и они съ своихъ земель подать платить станутъ, выйдетъ, что они другъ другу станутъ выплачивать вознагражденіе вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ. Лѣтъ черезъ тридцать семь уплата покончится и подать обратится на общія нужды. А покамѣсть пускай они приписываются къ селамъ и волостямъ и несутъ земскую повинность по раскладкѣ. Иные изъ нихъ и пораспродадутъ земли то селамъ въ міръ, то другимъ крестьянамъ, или купцамъ, такъ что—если не мы—то дѣти наши промежъ себя такъ

перемѣшаются, что и не узнаешь кто изъ дворянъ, кто изъ крестьянъ, кто изъ разночинцевъ. Только что иной будетъ по богаче, другой по бѣднѣе, а все-же единый народъ русской; его мірское дѣло смотрѣть за тѣмъ, чтобъ богатство бѣдности не заѣдало и у каждаго человѣка была бы земля и пристанище.

Видя все это движеніе и сомнѣніе въ дворянствѣ и въ народѣ, самъ царь призадумался. Еслибъ онъ былъ до народа искренній человѣкъ, онъ бы помогъ сословіямъ во едино соединиться и однимъ міромъ управляться; онъ бы началъ съ того, что уничтожилъ бы чины и допустилъ бы всѣхъ любаго въ должности выбирать, безъ различія сословій. Чтожъ бы сталъ дворянинъ безъ чина? Пуще чѣмъ безъ помѣстья со всѣмъ бы остальнымъ людомъ сровнялся.

Да нѣтъ въ царяхъ искренности до народа, какъ и пророкъ Самуилъ сказалъ Израилю, когда царя выбирали. Не хочется царю разстаться съ чиновничествомъ, не хочется, чтобъ народъ управлялся своими выборными, которые во всѣхъ своихъ дѣлахъ отчетъ давали бы. Хочется царю заправлять народомъ черезъ своихъ чиновниковъ; они хоть и грабятъ, да за

то никто ни въ чемъ народу отчета не даетъ, а только начальству, а оно всему мирволитъ лишь бы нажива была. А чуть кто изъ народа скажетъ, что дѣло несправедливо—въ острогъ его; а если кто напишетъ да напечатаетъ, что дѣло несправедливо—и того пуще, въ Сибирь его, на каторгу его. Дѣло все идетъ на бумагѣ, все шито да крыто, никто и незамѣтитъ; а замѣтилъ, то и пикнуть противу начальства не смѣй.

Не хочется царю разстаться съ чиновничествомъ. А чтожъ такое чиновничество? Оно-то и есть дворянство. Всѣ и стали въ такую ложь, что не знаютъ какъ повернуться. Если царь дастъ народу права, онъ дворянства лишится, значитъ чиновничества лишится; народъ самъ міромъ управляться станетъ, значитъ у царя такой слѣпой власти не будетъ—и начинаетъ царь дворянству мирволить. Дворянство хочетъ само собой управляться, значитъ царскую власть ограничить; отъ царя отстать, значитъ перестать быть чиновникомъ. Перестать быть чиновникомъ—значитъ къ народу пристать, потому что народъ отъ царя еще терпѣлъ, а ужъ если чиновники по мимо царя управлять захотятъ, то народъ ихъ не вытерпитъ, съ лица земли

сотретъ. Выходитъ въ самомъ-то дѣлѣ, что у дворянства-чиновничества поддержка—царь; а у царя поддержка дворянство-чиновничество. А народу-то при этомъ плохо.

Да и всѣмъ плохо. Не хочется царю растаться съ чиновничествомъ, а между тѣмъ и съ чиновничествомъ дѣло нейдетъ. Вездѣ безденежье да безсудье, казна отощала индо сосѣдніе народы на смѣхъ подымаютъ. Отъ этого царь и началъ все перемѣнять по новому; только неискренно, стало и нерѣшительно; и выходитъ все ни то ни сё, такъ что кажется—назначена перемѣна, а на дѣлѣ остается по старому.

Такъ крѣпостное состояніе уничтожили, а безъ помѣщика село управляться не можетъ; землю отдали крестьянамъ въ пользованіе, да урѣзали; отдали ее безсрочно, то есть на вѣки вѣковъ, а сказали что земля помѣщичья; крестьянъ, хотя-бы и съ землей, продавать запретили, а землю съ крестьянами продавать позволили.

Учредили комитетъ для того, чтобъ подвести подъ одно право всѣхъ крестьянъ разныхъ управленій — государственныхъ, удѣльныхъ, бывшихъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ. Вотъ

ужъ годъ прошелъ, а комитетъ ничего не сдѣлалъ, и приходится вышедшимъ изъ крѣпости селамъ и деревнямъ составлять волости черезполосныя, потому что имъ съ государственными или удѣльными въ одну волость соединяться нельзя—за тѣмъ что у нихъ розное начальство.

Суды не хороши. Коммиссію назначили какъ переиначить. Коммиссія нашла, что хорошъ судъ только гласный, всенародный; а оставила его по прежнему по чернильному, только новыхъ подъячихъ-повѣренныхъ придумала, чтобъ по мимо этихъ казенныхъ повѣренныхъ никто бы по своему выбору повѣреннаго не бралъ.

Сказали что мѣщанству жить тяжело. Назначили коммиссію. Нашла коммиссія, что точно тяжело мѣщанству, и порѣшила, чтобъ льготы дать, чтобъ въ купечество, въ гильдію легко было приписываться, да чтобъ мѣщанинъ, если 435 руб. сер. внесетъ, отъ рекрутства былъ бы избавленъ, (какъ будто легко мѣщанину 435 руб. сер. внести!) а подати по прежнему оставили, только лавочную и всякую торговую пошлину еще мудренѣе распредѣлили.

Сказали, что земская повинности тяжела.

Назначилъ царь коммиссію. Коммиссія нашла, что точно земская повинность тяжела, что надо чтобъ земство само своимъ сходомъ рѣшало что́ ему нужно и на какіе расходы сбирать повинность, а натуральную повинность рѣшила перевести на денежную. Только коммиссія нашла, что есть земскія повинности, которыя не то что земскія, а государственныя повинности, стало ихъ надо перечислить въ подать, о которой земству не приходится разсуждать нужна-ли она или нѣтъ, а платить ее безъ всякихъ разсужденій. Къ этому разряду отошли и натуральныя повинности, которыя стало переведутъ на деньги и обратятъ въ подать; такимъ образомъ четыре пятыхъ доли изъ денежныхъ земскихъ повинностей, причисляютъ къ государственной подати. Стало разсуждать земству можно будетъ только объ одной пятой долѣ теперешнихъ земскихъ повинностей. И выйдетъ, что станетъ земская повинность еще тяжеле чѣмъ была.

Объ устройствѣ для крестьянства ссудной казны и беззапретной для крестьянства и мѣщанства торговли никто не позаботится ; а только, за что́ царь съ своими чиновными коммиссіями

ни примется—ничто не спорится. Немогута круглая!

Говорятъ людей у него нѣтъ! Была бы искренность до народа—нашлись бы и люди. Да искренности нѣту и выходитъ немогута.

Чѣмъ же все это кончится?

Если народъ въ землѣ пойдетъ на мировую, какъ мы сказали, да если дворянство сложитъ съ себя чины, да на равныхъ правахъ съ крестьянствомъ, безъ всякаго различія, пойдетъ на сходы и станетъ управляться и судиться общими выборными безсословно, да если царь откажется отъ заправленія народа своими чиновниками какъ вздумается, а дастъ народу управляться своимъ міромъ и мірское рѣшеніе уважать станетъ, и будетъ—не то что нѣмецкимъ ханомъ какимъ-то, солдатами по народу стрѣляющимъ, да палачами народъ сѣкущимъ—а мирнымъ старшиною всѣхъ русскихъ областей, уважающимъ волю народную,—ну тогда спокойно и достойно будетъ расти свобода и могущество единаго, безсословнаго русскаго народа.

Ну, а если ни царь отъ чиновничества и безсуднаго управленія народомъ не откажется, ни дворянство не захочетъ безсословно слиться къ

народомъ,—тогда что? Тогда— я повторю, что въ 1820 году господинъ Каразинъ писалъ императору Александру I:

"Я вижу императорскій престолъ потонувшимъ въ крови дворянства."

Передъ тѣмъ какъ Христосъ былъ схваченъ воинами кесаревыми, онъ молился: Господи! да мимо мя идетъ чаша сія.

Молимся и мы съ народомъ русскимъ: да мимо идетъ чаша крови!

А пройдетъ она мимо или нѣтъ—кто знаетъ! Ходъ судебъ выростаетъ изъ дѣлъ людскихъ и обстоятельствъ. Его не остановишь!

Цѣна 2 копѣйки.

Библиотека ИМЭЛ